

Медовый месяц без гарантий

Автор:

[Дэни Коллинз](#)

Медовый месяц без гарантий

Дэни Коллинз

Любовный роман – Harlequin #968

Когда-то давно Имоген Гантри встречала Рождество с мамой и любящей сестрой, но с тех пор многое изменилось. Она развалила свой брак, потеряла семью и жильё, а её единственный источник пропитания – низкооплачиваемая работа в баре. И всё-таки с каждым новым Рождеством приходит шанс что-то изменить. Ведь это время чудес...

Дэни Коллинз

Медовый месяц без гарантий

Claiming His Christmas Wife

© 2018 by Dani Collins

«Медовый месяц без гарантий»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

- Мистер Тревис Сандерс?

- В чем дело?

- Имоджен Гантри ваша жена?

Одно упоминание этого имени воскресило воспоминания, которые он похоронил четыре года назад; воспоминания, окрашенные яростью и влечением.

- Мы в разводе. Вы журналистка?

- Я ищу ее ближайших родственников. Я из... - Женщина назвала одну из самых бедных общественных больниц Нью-Йорка.

- Что случилось? - Так трудно сосредоточиться, когда перед глазами стоит она - смеющаяся ся, с искрящимися озорством и возбуждением глазами и каштановыми волосами, из-за которых кожа кажется еще светлее. И этот взгляд из-под опущенных ресниц - сплошное очарование, ранимость и уязвимость. Такой он ее и запомнил. Тревис быстро понял, насколько обманчив этот образ, но понять и принять - разные вещи. И хотя это именно он однажды сказал, что не хочет ее видеть, осознать ее уход до конца ему так и не удалось. Он продолжал надеяться на возвращение.

Сквозь эти мысли до него с трудом доносился голос из трубки.

- Имоджен упала в обморок на улице, сейчас без сознания, у нее высокая температура. Вы можете нам сообщить какие-то сведения о лекарствах, которые она принимает? Она в очереди на лечение, но...

- Она не умерла?

Звучит ужасно, но что делать, если Имоджен так обошлась с ним. Все эти манипуляции и вранье... он сам бы ее прикончил, если бы представилась возможность.

– И ее забрали в вашу больницу? Почему?

– Наверное, мы ближе всего. При ней не было телефона, из контактов – только ваше имя. Нам нужна информация по лечению и страховке. Вы можете предоставить данные?

– Свяжитесь с ее отцом, – отдал он команду секретарю. – Найдите информацию по отцу Имоджен Гантри. Издательский бизнес. Возможно, имя начинается на «У». Уильям? – Их брак оказался таким коротким, что он и о ней-то почти ничего не знал, а познакомиться с отцом и подавно не успел.

– Уоллес Гантри? Похоже, он умер несколько месяцев назад. – Секретарь развернула экран ноутбука и показала некролог. Там было написано, что его жена и старшая дочь умерли еще раньше, и теперь осталась только младшая, Имоджен.

Здравый смысл подсказывал, что не стоит снова связываться с этой женщиной, но что ему оставалось делать?

– Я приеду так быстро, как только смогу.

Последнее воспоминание – Имоджен сидит на бордюре. Не на тщательно промытом асфальте и даже не на аккуратно подстриженной траве под вязами, через цепочку других лужаек переходящей в мамин розовый сад.

Нет, это был холодный трущобный бордюр, покрытый шапками снега поверх чуть не метрового слоя жевательной резинки. Застывший в воздухе холод не заглушал запахов, идущих от решетки. Не самое удачное место – в лучшем случае ее обрызгают машины, а в худшем – проедутся по ногам.

Впрочем, это ее волновало меньше всего. Не в тот момент, когда половина лица словно раздулась в два раза, и ухо болит так нестерпимо, что не удержаться от крика.

Ей пришлось сесть, чтобы не упасть. Температура – естественный способ справиться с вирусом, что же пошло не так? Да и кто вообще умирает от таких

глупых вещей?

Перед глазами все плыло, одежда промокла, но Имоджен было слишком плохо, чтобы переживать по этому поводу. Она думала только о том, что умрет вот так. Здесь. И это ее вполне устраивало. Отец бы оценил – дочь погибала, как собака в канаве накануне Рождества. Даже Тревис, скорее всего, решит, что она получила по заслугам. Впрочем, вряд ли он узнает.

Смерть принесла бы ей облегчение. Слишком сложно бороться, когда заведомо чувствуешь себя проигравшей, тогда уж лучше сдаться. Почему она не сделала этого раньше? Ну хотя бы сейчас.

Она умерла и теперь осматривалась. На рай не похоже – впрочем, кто бы ее туда пустил? Ад? Самочувствие достаточно паршивое, чтобы это оказалось правдой. Тело ломит, в больном ухе словно вода плещется, а у второго чувствительность обострилась так, что слух режет даже шуршание одежды и отдаленные разговоры. Во рту сухо, невозможно сглотнуть. Имоджен застонала.

Шаги. Мужской голос:

– Она проснулась.

Имоджен узнала его, и грудь резко сдавило, все внутри съежилось. Она бы сбежала, но тело ей не подчинялось. Это точно ад.

Снова шаги, уже другие, более легкие и быстрые. Она открыла глаза, прищурившись от яркого цвета. Стерильная комната в спокойных цветах – в такой папа провел свои последние месяцы.

– Я...

– Вам пока не стоит разговаривать. – Медсестра улыбнулась и проверила температуру Имоджен. – Уже гораздо лучше.

Боковым зрением Имоджен все время видела его, но повернуть голову и посмотреть прямо было слишком страшно, слишком больно. Невыносимо.

– Как я сюда попала?

– Воды? – Медсестра поднесла к губам Имоджен стакан с соломинкой и дала сделать два глотка. Уловка, чтобы не отвечать. – Отдохните, а я пока скажу доктору, что вы проснулись. Потом я дам вам еще воды и, может быть, какой-нибудь еды.

– Как давно?

– Вы попали сюда вчера.

Полтора дня назад? И это когда ее банковский счет и без того словно выжженная пустыня?

Медсестра улыбнулась сидевшему рядом мужчине и вышла.

Имоджен снова закрыла глаза, понимая, что ведет себя как ребенок. И это не единственный ее недостаток. Может, отец был прав и она просто плохой человек?

Мужчина рядом пошевелился и раздраженно вздохнул. Имоджен чувствовала его взгляд на себе, он как будто знал, что она его избегает единственным доступным ей способом.

– Что ты здесь делаешь? – Голос был хриплым. В самых секретных мечтах эта встреча происходила на нейтральной территории – в кофейне, например, где она отдает ему чек с суммой, которая покрыла бы его выплаты по брачному контракту. И находит слова, чтобы объяснить все, что тогда произошло. Объяснить так, чтобы он понял – или хотя бы больше не презирал.

И все-таки он здесь. Может, ему не совсем все равно? Может, он беспокоится?

Она открыла глаза, услышав звук молнии, но тут же закрыла при виде маленькой красной сумочки, когда-то принадлежавшей матери. О нет.

– Ты роешься в моих вещах? – Там хранилось все ценное имущество Имоджен – водительское удостоверение, дебетовая карта, ключ от комнаты, единственное

оставшееся фото с сестрой и матерью и свидетельство о браке с Тревисом.

- Медсестра искала твоих ближайших родственников.

Этот мужчина всегда умел выразить свое презрение, и сейчас его обычно такой теплый и глубокий голос буквально сочился им.

Как же часто она слышала презрение в свой адрес. Соседи. Учителя. Папочка. И теперь этот мужчина, которому хватило пары слов, чтобы глубоко ранить ее душу.

Его не волновало, что он остался в ее жизни единственным близким человеком. Если он вообще о ней думал, то в этих мыслях не было ничего хорошего.

- Это единственный документ, подтверждающий мою личность.

- А свидетельство о рождении?

Сожжено после ссоры с отцом много лет назад. Как по-детски.

Ей хотелось прикрыть глаза руками, но конечности словно налились свинцом, и к тому же к ним прикрепили какие-то трубки.

Она посмотрела на капельницу, потолок и, наконец, на него.

О боже, как можно было стать еще привлекательнее? Очарование его внешности стало проявляться ярче, как и исходящая от него властность. И едва ли не впервые на ее памяти - впрочем, она старалась не слишком часто возвращаться к воспоминаниям о совместном прошлом, - он был чисто выбрит.

А вот его теплота, наоборот, спряталась глубоко внутри под выглаженным костюмом и галстуком гармонирующих друг с другом оттенков серого. Губы были сжаты, а серые глаза смотрели на нее как на пустое место. Тогда как он...

Тревис.

Ну почему она всегда так ошибается? Почему всегда падает, создает хаос и отталкивает людей, когда ей всего-то и нужна толика любви?

Ну нет, жалость лишняя, нужно взять себя в руки.

– Я должен кому-то позвонить?

Когда-то его глаза запомнились ей своей теплотой и остротой, умением одним взглядом заполнить пустоту внутри ее. Но сегодня они были настолько же безэмоциональными и холодными, как и голубые глаза ее отца. Для Тревиса она никто. Пустое место.

– Ты сделал достаточно. – Наверняка это благодаря его стараниям она находится в этом роскошном месте.

– Еще бы. – Ничем не прикрытая насмешка.

Тревис ждет благодарности за то, что спас ее жизнь, окончательно разорив?

– Я не просила тебя ни о чем.

– Да-да, конечно. – Не голос, а одно сплошное презрение. – Это не имеет значения. Я допустил ошибку. И этой ошибкой стала ты, Имоджен. Единственной ошибкой. Ты знаешь об этом?

Глава 2

Безжалостные слова Тревиса явно попали в цель, но ему не было стыдно. Он сказал правду, а она не слишком-то оценила его помощь – и это при том, что он имел право повесить трубку даже при упоминании ее имени. А стоило бы. Имоджен Гантри – воплощенный стереотип избалованной нью-йоркской принцессы. Лживой, эгоцентричной и нахрапистой.

Конечно, сейчас она такой не выглядела. Что должно было произойти, чтобы она оказалась в реанимации с нехваткой персонала, не в силах позаботиться о себе?

– Радуйся, что я распорядился перевести тебя сюда. Ты знаешь, куда тебя забрали, когда смогли отодрать твоё замерзшее тело от бордюра? Что ты вообще делала в той части города?

– Ты не поверишь. – Она поколебалась пару секунд, но решила промолчать и отвела глаза.

Когда Тревис впервые услышал, где её нашли и в каком состоянии, то мог поклясться, что в деле замешаны наркотики. Это казалось единственным объяснением. Правда, анализ крови ничего не показал, да и абстинентный синдром не проявлялся.

У неё была высокая температура и ужасная ушная инфекция, которая, к счастью, положительно среагировала на антибиотики. Врач сказал, что нужно было вмешаться гораздо раньше – она рисковала потерять слух или заполучить менингит. Он смотрел на Тревиса так, словно это по его вине она так запустила болезнь.

Все это происходило уже после переезда в этот огромный и хорошо оборудованный частный госпиталь. Тревис пытался вспомнить дату её рождения и искал личные подробности в Сети, но она словно существовала лишь во плоти. Он нашёл только несколько очень старых фотографий – селфи с подружками в каких-то клубах, сделанные ещё во времена их брака. За исключением бесполезных и скудных данных из некролога её отца, никаких других недавних сведений в Интернете не было.

Дом её отца оказался продан, так что пришлось записать свой адрес. Он вел себя как её муж и подписал счёт на предложенное лечение. Что ещё он должен был сделать?

Под действием обезболивающего Имоджен практически сутки провела без сознания, и сейчас явно нуждалась во сне. Она плохо выглядела – синяки под глазами, бледное лицо, выступающие скулы.

Тревис не чувствовал ничего, кроме жалости и усталой злости, что снова связался с ней.

Медсестра привела доктора, который сказал, что Имоджен должна пропить курс антибиотиков и железа, поскольку у нее анемия.

– Вы истощены. Выгорели. Вам нужно несколько недель отдыха, хорошего питания и курса мультивитаминов, чтобы вернуть силы.

Интересно, отдохнуть от чего? Она в своей жизни не работала ни дня.

– Спасибо. – С натянутой улыбкой Имоджен свернула пополам листочек с предписаниями и жестом попросила Тревиса дать ей сумочку. – Значит, я свободна?

– Нет, конечно нет. Вас ждет еще одна доза антибиотиков и железа. О выписке мы поговорим завтра, но думаю, что нужно будет еще подождать...

– Я не могу этого себе позволить. Пожалуйста. Прошу вас отключить меня от этого, даже если придется заплатить. Меня тошнит.

– Миссис Сандерс...

– Гантри, – счел нужным поправить Тревис.

Врач казался озадаченным.

– Мой бывший муж не оплачивает мое лечение. Его оплачиваю я.

В отличие от этих слов следующие Тревиса не удивили.

– А я не могу этого сделать. Так что, пожалуйста, помогите мне выписаться как можно быстрее и с наименьшими затратами.

– Вы плохо себя чувствуете. Ее нельзя выписать. – Доктор обращался к Тревису, который чувствовал, как его бесстрастность отступает перед беспокойством.

Ну почему она так действует на него?

Рука казалась неподъемной, даже голова падала обратно на подушку.

– Значит, на безвозмездной основе?

Конечно нет. Имоджен прекрасно знала, что своим вопросом ставит Тревиса в затруднительное положение. Из-за него она здесь. Откажись она платить, ему придется за это отвечать.

– Я заплачу за ее лечение. – Словно презрения было недостаточно, он нанес новый удар. – Можешь вернуть мне эти деньги позже.

– Я заплачу сама. – Изо всех сил она пыталась сохранить достоинство, в еще больший долг влезать не хотелось. – Но с настоящего момента я хочу отказаться от всех платных услуг. Принесите документы, которые я должна за полнить, и вытащите иглу из руки. Где моя одежда?

– Я выкинул ее.

– Ты серьезно? Кто... ладно, это же отлично, не правда ли? Спасибо. – Она посмотрела на медсестру. – Мне понадобится пижама. И что-нибудь горячее из еды, раз уж я сегодня разбрасываюсь деньгами, как настоящая транжира.

– Как настоящая Имоджен Гантри. – Тревис поправил ее достаточно тихо, чтобы слышали только они двое.

– Не смею больше задерживать.

Он жестом попросил врача выйти с ним в коридор.

– Не вздумайте обсуждать меня, – бросила она им вслед и обернулась к медсестре: – Вы это видели?

– Давайте докопаемся, прежде чем вытаскивать иголку. Я принесу вам суп.

В ожидании медсестры Имоджен задремала, но после миски супа и стакана овощного сока почувствовала себя лучше. Только сейчас она поняла, что свою лепту внес голод.

Медсестра вытащила иглу, протянула Имоджен таблетки, помогла ей принять душ и надеть пижамные штаны и футболку с желтыми птицами.

После всех процедур Имоджен так устала, что не смогла даже причесаться, – просто выпросила у медсестры резинку и убрала влажные волосы в пучок. Сидя на стуле, она пыталась сделать вид, что идет на поправку, а не дрожит как осиновый лист.

Наверное, нужно быть благодарной Тревису, что тот выкинул ее лохмотья, но это осознание давалось с трудом. И даже одолженное одеяло вряд ли поможет. Снегопад продолжался, а дорога предстояла чертовски долгая – автобус ей не по карману, не говоря о такси.

– До свидания, – помахала она медсестрам на посту.

– Миссис Гантри, но вам и правда нужно отдохнуть.

– Как только доберусь домой, сразу так и сделаю. – Неправда. Сперва нужно заглянуть к одному из работодателей и убедиться, что за время отсутствия и пропущенной смены ее не уволили.

Автоматические двери распахнулись, и зимний ветер мгновенно отнял у нее 90 процентов той энергии, что еще оставалась. Дыхания едва хватало на то, чтобы медленно переставлять ноги одну за другой. Холод сразу же добрался до костей, но она упрямо шла к воротам – чем не выход из рая?

Имоджен присела на больничную скамейку перевести дух. Как трагично. Похоже, путь будет даже более долгим, чем она думала. Ладно, хорошо хоть, ухо уже не так болит.

Во всем есть хорошая сторона, нужно просто ее увидеть.

Но паника не сдавалась, как бы Имоджен ни пыталась успокоиться. Как она доберется до дому? Впрочем, других вариантов, кроме как двигаться шаг за шагом, не было.

Внезапно рядом остановилась черная машина, из которой вышел шофер, чтобы выпустить пассажира. Конечно, Имоджен попыталась придать лицу скучающий вид и не показать своего состояния. Даже рядом с отцом она не чувствовала себя так подавленно, как рядом с этим человеком в идеально отутюженных брюках, кожаных ботинках из Италии и подогнанном по фигуре пальто.

– Ты словно мафиози. Денег у меня нет, так что тебе придется переломать мне коленные чашечки.

– Эти коленные чашечки способны перебраться в машину или я и это должен за тебя сделать?

– Зачем тебе вообще заботиться обо мне?

– Я и не забочусь.

Больничные двери были слишком далеко, чтобы скрыться за ними. Придется выкручиваться – впрочем, как и всегда.

– Мы с врачом договорились, что если ты настоишь на выписке, то я доставлю тебя домой и удостоверюсь, что за тобой присмотрят соседи.

Наркобарон? О, было бы чудесно.

Она поплотнее закуталась в одеяло, не отрывая взгляда от коленей, на которых таяли снежинки. Не хватало еще, чтобы он заметил подступившие к глазам слезы.

– Я сама смогу добраться до дому.

Человек действия, Тревис подхватил ее в охапку и запихнул в машину, забравшись следом.

- Где ты живешь?

- В больнице тебе не сказали? А мне показалось, им хотелось рассказать обо мне все и даже больше. Кстати, какая у меня группа крови? Никогда не знала.

Он кивнул водителю, у которого выдержки было явно больше, чем у Тревиса.

Так он действительно планировал это сделать? Отлично. Может, он перестанет вести себя с таким высокомерием, когда увидит, что она уже понесла достаточное наказание.

Имоджен назвала свой адрес.

- Ты серьезно?

- Ты хотел знать, что я делала в том районе. Я там живу.

- Что за игры, Имоджен? Ты снова хочешь меня обмануть? Но я не позволю тебе этого.

- Значит, никакой поездки домой? - Она приготовилась выйти.

- А если я тебя туда отвезу, что ты сделаешь? Прыгнешь в постель к какому-нибудь бандиту, которого не одобрил твой отец? - Казалось, сама мысль об этом причиняла боль. - Он шлепает тебя так, как ты всегда в этом нуждалась?

- Ты с этим тоже хорошо справлялся.

Как же сложно смотреть ему в глаза на таком близком расстоянии, от которого в теле разгорается жар. Тревис отстранился, и только подергивание мышц на лице говорило о буре, которая бушевала у него внутри.

- Я планирую лечь в постель в надежде, что больше никогда не проснусь.

- Где ты живешь на самом деле?

– Я сказала тебе правду. – У нее не хватало сил даже на то, чтобы переживать по поводу их разговора. У нее и на собственную жизнь уже сил не осталось.

Она откинула голову на спинку сиденья и задремала, проснувшись, только когда они добрались до места.

– Мы приехали.

– О, спасибо. – Она пыталась понять, можно ли открыть дверь или движение слишком плотное.

– То есть ты продолжаешь разыгрывать свою партию. – Тревис выругался и вылез, чтобы она могла выбраться с его стороны.

Едва скрывая дрожь, Имоджен вцепилась в его руку. Как же хотелось прислониться к его груди, надежно защищенной шерстяным пальто, и умолять не бросать ее здесь. Но нет, нельзя показывать страх. Еще с детства она поняла, что свою слабость нужно скрывать, если не хочешь, чтобы она обернулась против тебя.

Правда, никогда она не была настолько слабой. Даже отпустить его руку казалось невозможным, настолько она нуждалась в опоре – и не только физической. Ей было очень одиноко.

Продолжая дрожать от холода, Имоджен вытащила ключ – бесполезный в этом пропахшем щами доме, где двери никогда не запирались.

Тревис с матом удержал ее. Его присутствие давило и одновременно успокаивало.

– Привет. – Мимо прошла одна из соседок в высоких сапогах, мини-юбке и бюстгальтере с бахромой под курточкой с искусственным мехом. – Никаких шалостей в комнате.

– Он просто привез меня домой.

– Не верь ему. – Женщина покачала головой. – Они все так говорят.

Имоджен старалась не смотреть на Тревиса, но даже так продолжала ощущать его присутствие. Она повернула ручку и открыла дверь в свою комнату.

Здесь она только спала, но обстановка была такой депрессивной, что уж лучше бы и вовсе не появлялась. Она пыталась следить за чистотой, насколько это позволял ее тощий кошелек. Вещей в комнате почти не было – она продала всю одежду и аксессуары, которые могли принести ей хотя бы пару долларов.

На единственном стуле стояла маленькая супница, в которой обычно лежала пачка риса и макарон. Несколько дней назад она по глупости оставила ее на кухне – повезло, что хотя бы супница сохранилась. Это и послужило причиной голода – заплатить за работу ей должны были только завтра.

Имоджен села на тощий продавленный матрас и, слегка встряхнув промокшее одеяло, завернулась в сухое.

– Ты не мог бы уйти? Мне правда не до того, чтобы развлекать гостей.

– Так вот где ты живешь.

Он одним взглядом окинул все мелочи: потрепанную плетеную корзинку с шампунем, зубной щеткой и расческой (с ней она ходила в общую ванную); полотенце на дверном крючке; заводной будильник и бесплатный календарь из аптеки, в котором она отмечала свои смены.

– Да, на улице было бы более роскошно.

– Я пыталась спать на улицах. Оказалось, что тогда люди звонят твоему мужу, он приезжает и демонстрирует тебе, насколько ты на самом деле ничтожна.

Шутка ему явно не понравилась, но ответить он не успел – их разговор прервал стук в дверь.

– Никаких наркотиков и секса! Вон!

– Пожалуйста, уходи.

Тревис сердито распахнул дверь и столкнулся с арендодателем.

- Он не собирается оставаться. - Не слишком убедительно, если учесть, что она сидит на кровати.

- Мы уходим, - произнес он.

Она легла и повернулась спиной к обоим.

- Имоджен.

Снова эта ненавистная интонация, словно ее проклинаят.

- Просто уходи.

- Это я возьму. - Его слова вынудили Имоджен снова повернуться к нему лицом. В руках он держал ее сумочку.

- Тревис, пожалуйста. У меня нет сил с тобой бороться. - И даже сдерживать слезы.

- Тогда ты должна остаться в больнице. Я отвезу тебя обратно.

Она опять отвернулась.

- Забирай, мне все равно. - Это была правда. Ей хотелось просто закрыть глаза и забыть о собственном существовании.

Он стянул с нее одеяло и подхватил на руки - с такой силой и осторожностью, что они казались несовместимыми. Ярость он излил на арендодателя, которого покрыл матом.

- Тревис, хватит, я потеряю все свои вещи.

- О каких вещах ты говоришь? Что вообще происходит, Имоджен?

Глава 3

Несмотря на недолгое отсутствие, вокруг машины уже успела собраться сомнительная публика. Шофер моментально открыл заднюю дверь, Тревис усадил Имоджен и следом забрался в машину. Зачем он вообще вышел на улицу? Хотя понятно: хотелось посмотреть, как долго она будет вести свою игру. Невозможно было представить, что это приведет его в тесную комнатенку, где она действительно спала.

Он посмотрел на истощенную до предела Имоджен.

– Я не могу позволить себе оплатить больницу. Можешь просто объяснить арендодателю, что я больна, а не накачалась наркотиками, и дать мне поспать?

– Нет. – Он захлопнул дверь и дал сигнал водителю трогаться с места. – Ты что, проиграла все в карты? Что происходит?

– О да, я сделала неправильную ставку. Это точно. – Она откинула голову на спинку сиденья и попыталась улыбнуться. – Как там говорят, любовь не купишь? Похоже что так.

– Ты о чем?

– Не важно.

– Объясни мне. Любовник украл все твои деньги? Что ты при этом чувствовала?

Тревис пытался изобразить заинтересованность, хотя на самом деле все внутри просто горело от ревности к другому мужчине.

Она сидела с закрытыми глазами.

– Как же тебя волнуют мои многочисленные любовники. Ты можешь обвинить меня в чем угодно, Тревис, но не в распущенности. Тебе ли не знать.

Ответ его обескуражил, хотя какая ему вообще разница? Они в разводе, а при таком сексуальном аппетите вряд ли она все эти годы обходилась без мужчин. Впрочем, сейчас сексуальный голод испытывал он – испытывал и всеми силами пытался подавить. Это все проделки памяти, не стоит доверять тем воспоминаниям. Да и чувствам, судя по всему, тоже.

– Согласен. Без кольца и щедрого брачного контракта ты не ляжешь в постель с другим мужчиной. Неужели не нашлось еще хотя бы одного? Хотя девственность – штучный товар, это могло все осложнить. – Он попытался отогнать физические воспоминания о том, как с каждым разом она дарила ему все более восхитительные ощущения в постели.

Нельзя показать, что он по-прежнему равнодушен к ней. И это после того, как его так по-глупому обвели вокруг пальца. Ведь он же знал, что брак не будет долгим, а согласился. Пожар разгорелся моментально и так же быстро погас, а на смену дурману неустанного секса пришло ее требование о разводе и выполнении брачного контракта.

– Вау. Удар ниже пояса, нет? Ну расскажи, как ты все эти годы получал удовольствие от секса с другими.

Почему его так сильно задела ее слова? Может быть, потому, что ни одна женщина так и не вызвала в нем столь же сильного сексуального влечения, как Имоджен?

Последние несколько лет Тревис провел с женщиной, которая не вызвала в нем практически никаких сильных чувств, и только вчерашний звонок снова вернул его из спокойствия в хаос.

Неужели действительно прошло только тридцать шесть часов? С Имоджен так всегда. Увлекает тебя в водоворот своей жизни и меняет все, не спрашивая твоего согласия и не давая даже подготовиться к переменам.

Вспомнив о переменах, он достал из ее сумочки рецепт и протянул шоферу, дав команду заняться покупкой лекарств.

У дома внезапно обнаружилась толпа журналистов – наверное, кто-то из знаменитостей скоро вернется домой. Толпу создавали и те, кто закупался к

Рождеству, вперемешку с ряжеными.

– Давайте на подземную парковку. – Тревис уже и сам чувствовал усталость, прошлой ночью он почти не спал – заехал домой на пару часов и сразу отправился в больницу. Его раздражала собственная готовность помочь Имоджен во всем, даже привезти в свою квартиру и дать ей наконец отдохнуть.

– Не хочешь, чтобы тебя увидели с беглянкой из психиатрической больницы? С чего бы это? Ты хоть понимаешь, что я не просто выгляжу как бездомная, но теперь таковой и являюсь? Арендодатель избавится от моего хлама и пустит жить в комнату кого-то еще. Тебе спасибо за это, кстати.

– Ты по-прежнему остра на язык.

– А что мне остается? Зачем ты привез меня сюда? Ты же не позовешь меня жить с тобой, а если и да – я не согласилась бы.

Он и сам не знал ответа. Знал только, что невозможно было оставить ее в том наводненном тараканами подобии жилья. В больнице она снова настаит на выписке. Оставался один вариант – привезти ее к себе.

– Ты же хотела поспать – вот и отдыхай. А я воспользуюсь тишиной, чтобы подумать, что делать дальше.

Имоджен не хотелось оставлять за Тревисом последнее слово, но сил хватило только чтобы открыть дверь – и то с помощью водителя. Даже войти в лифт сама она не могла. Пришлось опереться на Тревиса – и как же это было приятно. На какую-то крохотную долю секунды она почувствовала надежду. Может, в нем нет ненависти к ней? Может, у нее появился шанс загладить свою вину? Прошлое не изменить, но ведь можно с чистой страницы написать будущее.

Но собственное отражение вернуло Имоджен на землю. Прошли времена, когда они стояли на одной ступеньке социальной лестницы. Она скатилась к самому дну, оказавшись на улице, и продолжала катиться еще ниже – когда Тревис стал свидетелем ее жизни и когда сама она должна была встретиться лицом к лицу с местом, где могла бы жить счастливо с любимым человеком. Но нет. А любимый

человек с тех пор сделал огромный скачок по лестнице вверх, от состоятельного архитектора до международного магната.

До сих пор ей хватало сил не сдаваться, несмотря на царивший вокруг хаос. Хватало гордости, стойкости. Надежды, что когда-нибудь она встретится с ним и загладит вину. С этим давящим чувством она вставала по утрам и шла на свои многочисленные ужасные низкооплачиваемые работы. Но теперь надежды не осталось.

Двери лифта разъехались, и они вышли в фойе, полное мрамора и красного дерева. Справа на второй этаж вела лестница, по левую руку стоял стол и висело импрессионистское полотно внушительных размеров.

– Папа! – Откуда-то сверху к ним спешили маленькие ножки. Их легкий топот словно крошил Имоджен на кусочки и погружал в пучину отчаяния.

Настоящего дна она достигла сейчас.

Имоджен выскользнула из рук Тревиса, и в ее взгляде было столько боли и отчаяния, что он едва подавил проклятие. Ради племянницы, бежавшей к ним навстречу с распахнутыми объятиями и широкой улыбкой.

– Зио! – Он подхватил трехлетнюю малышку на руки.

Следом появилась Гвин со спящим Энрико на руках. При виде незнакомой женщины его сводная сестра слегка запнулась, но быстро пришла в себя.

– Привет.

– Совсем забыл, какой сегодня день.

– Ничего страшного. Я Гвин, – протянула она руку.

Имоджен явно пыталась что-то вспомнить, но если она скажет что-то мерзкое Гвин...

– Ты сестра Тревиса. Приятно познакомиться, – ответила она на рукопожатие. – Имоджен.

– Прекрасно, я как раз приготовила кофе. Уложу Энрико и сразу вернусь к вам.

Имоджен пыталась прийти в себя после хаоса, в который ее ввергла мысль о жене и детях Тревиса. Она периодически искала о нем информацию в Сети – да кто этого не делает? Он часто менял партнерш, но ни с кем не заводил серьезных отношений, так что встреча стала очень неожиданной. Невыносимой. Неужели в ней все еще живы надежды на совместную жизнь с ним? Нужно избавляться от них.

Что касается его сестры, то, когда несколько лет назад Гвин оказалась замешана в скандале с всплывшими в Сети провокационными фотографиями, Имоджен следила за этим не из праздного любопытства. Когда они с Тревисом были женаты, он даже не упоминал о сводной сестре. И было удивительно увидеть его имя в газетных заголовках вскоре после их разрыва. Имоджен собирала каждую статью, пытаясь понять, почему он держал свою семью в такой тайне.

Хотя ведь и она установила границы. Тревис не знал о ее отношениях с отцом, отец – о том, что она вышла замуж. Нет, он бы одобрил партию, но ни за что на свете Имоджен не хотела бы их знакомить. Зачем еще усложнять и без того непростые отношения? Да и узнай он о разводе, то просто высмеял бы ее за то, что не удержала Тревиса. Зато к деньгам из трастового фонда мамы добавились полученные по брачному контракту – и этого должно было хватить, чтобы отец снова встал на ноги.

Тревис провел Имоджен в обставленную со вкусом гостиную, где все уже было готово к Рождеству – праздничные гирлянды, мерцающие огоньки и дерево, выглядевшее и пахнувшее как настоящее, с упакованными подарками у подножия.

– Мама велела спросить: эти подарки мне? – Маленькая девочка продолжала обнимать Тревиса, не отводя взгляда от свертков.

– И Энрико.

– Могу я открыть их? Per favore, Зию!

– Пока нет.

Малышка надулась.

Итальянский? Имоджен в изнеможении села на диван.

– Ты никогда не рассказывал о сестре. – Она знала только, что Тревис близок с отцом и редко видит мать и что оба родителя живут в Чарльстоне.

– Мама Гвин была замужем за моим отцом, пока я учился в университете, но рано умерла. Мы с Гвин росли не вместе.

Но сейчас они, видимо, близки. Он и жену-то с опаской пускал в личное пространство, бродил следом по квартире и переживал, что те немногие вещи, что она привезла с собой, не подходят к декору. Тогда она с пониманием отнеслась к тому, что холостяку нужно время привыкнуть, ведь он теперь живет не один. Но после стало ясно, что на самом деле он просто не хотел ее видеть. Думать об этом было до сих пор горько.

– Это Антонетта. – Он продолжал держать девочку на руках. – Мы зовем ее Тони.

Девчушка что-то прошептала, и он улыбнулся краешком рта.

– Тони Балоней.

Тони хихикнула.

– А как тебя зовут?

– Имоджен. Или Имоджен Большая Фантазия, как называла меня сестра.

Малышка пришла в восторг. Значит, у него есть не просто семья, но еще любящая и веселая. Хм. Почему же он скрывал ее от нее?

– Иди есть яблоки и сыр, topolina[1 - Мышонок (ит.)]. – Гвен вернулась с закусками, которые поставила на элегантный стеклянный обеденный столик.

Имоджен не разрешали сидеть со взрослыми, пока ей не исполнилось двенадцать.

– Консьерж впустил нас по твоей записке. – Гвин вернулась с кофе, сливками и сахаром и села так, чтобы видеть Тони. – Поэтому я ду мала, что ты помнишь. А эсэмэску написать не успела – дети отвлекли. Если мы мешаем, я попрошу Витто перевезти нас в отель.

– Я просто забыл. Всего одна ночь, хватит уже об этом.

Судя по взгляду, Тревис винил Имоджен в своей забывчивости. Интересно, как он объяснит ее присутствие?

– Витто на совещаниях?

Гвин явно удивилась, но улыбнулась и обратилась к Имоджен:

– Мы только вернулись из Италии. У мужа часто дела в Нью-Йорке, так что мы остановились здесь, привыкнуть к джетлагу, оставить на мебели отпечатки пальцев Зио, а после отправиться в Чарльстон.

– Увидеться с отцом Тревиса?

– Генри, да. И у банка там офисы. Витто проводит проверки и немного работает, пока мы общаемся с дедушкой. В последние годы Генри приезжал к нам на каникулы, но в этом году ему исполняется семьдесят лет, так что мы приехали на его торжество.

– Звучит здорово.

– Надеюсь, так и будет.

В Гвин любопытство явно боролось с вежливостью, ей хотелось знать больше. Но она понимала, что из Тревиса бесполезно вытягивать – он заговорит, когда сам

будет готов. Имоджен успела познакомиться с этой его особенностью, Гвин рассказала ей даже больше, чем она успела узнать от него.

– Тони, ты видишь слона? – Имоджен покосилась на Тревиса, и Гвин фыркнула, чуть не пролив кофе.

Девочка перебралась с бархатного стула Имоджен на колени и завертела головой.

– Нет.

– М-м-м, похоже, я ошиблась. Мне показалось, здесь есть кто-то толстокожий.

Тревис мрачно на нее посмотрел.

– Мы заняли обе гостевые комнаты, но дети могут переместиться к нам.

Тони надоело сидеть за столом, и она попросилась в бассейн.

– Слишком холодно, *topolina*. Когда папа вернется и Энрико проснется, мы можем прогуляться. Но сперва ты закончишь ужин, и мы немного поспим.

– А Имоджен?

Наверное, девочку сбила с толку пижама.

– Я тоже посплю, но одна.

Тревис посмотрел на Гвин.

– У тебя нет ничего, что Имоджен могла бы надеть, когда проснется?

– Конечно, сейчас принесу.

Гвин забрала Тони наверх, а Тревис наблюдал за Имоджен. Жаль, что нет чего-нибудь покрепче кофе. Нужно проверить телефон – со вчерашнего дня он его игнорировал. Встреча с Гвин вернула его к реальности, в которой, кроме Имоджен, присутствовала еще и поездка в Чарльстон на день рождения отца, Рождество в кругу семьи.

Но он не мог думать ни о чем, кроме как о женщине, странным образом заполонившей все его мысли. Как и четыре года назад, когда она вошла в новенький офис архитектора и, представившись журналисткой одного из нью-йоркских изданий, уговорила его на интервью. Она слушала его с таким вниманием, что после часа беседы он предложил продолжить разговор за ужином. В ней все казалось идеальным – каштановые локоны с золотистым отливом, длинные ноги в черной мини-юбке, грудь, словно созданная специально для его касаний. Проверить, что это на самом деле так, удалось не сразу – после ужина и приглашения остаться у него на ночь выяснилось, что она девственница.

– В двадцать лет? Как это возможно?

– Ну, может, я просто не догадываюсь, что теряю. – Она смеялась над собой и приглашала его присоединиться.

Ее открытость и откровенность убедили его, что она действительно журналистка, из хорошей семьи, с дерзким языком и остроумием, способным поспорить с его собственным. Что могло пойти не так?

Ничего, кроме того, что содержимое не соответствовало обертке. Ее образ оказался насквозь фальшивым.

Стук чашки, которую она поставила на стол, вернул его в реальность.

– Я лучше пойду. Ты не хочешь видеть меня здесь. – Она оглянулась в поисках сумочки, которая лежала в кармане его пальто. Пусть остается там, пока Имоджен пытается сделать вид, что у нее есть другие варианты.

– Куда?

- Поговорю со своим арендодателем...

- Нет.

- Чего ты хочешь от меня, Тревис?

- Давай начнем с объяснений. Куда делись все мои деньги? - Он показал на пижаму Имоджен, единственную ее собственность, которую она к тому же не могла оплатить. - Куда делись твои?

Она со вздохом опустилась обратно на диван и прижала к груди подушку.

Скажет ли она правду? Или соврет снова? И как отличить одно от другого?

- Я пыталась спасти бизнес отца.

- Издательство.

- Газеты и журналы. Печатные СМИ.

- Ты говорила что-то про неправильную ставку.

- Ты представить не можешь, как много я на нее поставила. Твои деньги, деньги, оставшиеся от мамы. Отец продал дом и ликвидировал все, что на тот момент не было вложено в бизнес. Мы отдавали туда все до копейки. А потом ему пришлось лечь в больницу - и снова счета. Мое имя везде. Я не могла объявить о банкротстве, пока он был жив, этого унижения он бы не перенес. Пыталась сделать вид, что все хорошо, а сама продавала мебель, одежду, мамины украшения, чтобы свести концы с концами. Последней каплей стала его кремация. Я сильно задолжала с арендной платой, и меня выселили. К тому времени у меня не осталось друзей, зато остались долги. Я хотела начать заново самостоятельно и этим сейчас и занимаюсь.

- Этот наводненный тараканами бордель - это и есть новое начало? Почему ты не пришла ко мне?

- Как мило. И что бы ты сказал?

Ничего, что она не успела услышать. Но он не позволил бы ей туда вернуться. Не допустил, чтобы она упала в обморок на улице.

– Ты вышла за меня замуж, чтобы получить доступ к своему трастовому фонду. Нет?

Она нехотя кивнула. Почему она прячет глаза? Из чувства стыда? Или скрывает что-то?

– Хотела помочь отцу. Но экономист из меня вышел не очень толковый. Я хорошо знаю работу электронных СМИ, но он считал это бесполезным, консерватизм брал верх. Да если бы он и решился, уже было слишком поздно.

– И ты на мели.

– Я на таком дне, что оттуда видны только звезды.

– Ты говоришь правду? Потому что, если на самом деле речь идет о наркотиках или чем-то подобном, лучше сказать. Я помогу тебе.

– Если бы. Тогда хотя бы не было так больно.

Казалось, она не врет, но все же...

– Как бы мне хотелось тебе доверять.

– А что изменится? Я благодарна тебе за больницу. Попытаюсь вернуть долг, когда выиграю в лотерею, но... но с завтрашнего дня наши жизни снова не будут пересекаться, так что...

Она пыталась не выдать волнения, произнося эти слова, но сердце екнуло.

– Было бы здорово, но я уже взял на себя ответственность за твои счета в больнице. За тебя. Что мне делать? Отпустить обратно на улицу? В разгар зимы? Так получилось, что у меня есть совесть.

- Намекаешь, что у меня ее нет?

- Ты действовала из чистого расчета.

- Брачный контракт составил ты, я его просто подписала.

- И забрала деньги через три недели после заключения брака.

- Мне требовалось отдать свою девственность за право стоять в ряду подстилок Тревиса Сандерса?

Как же ей хотелось услышать, что это не так. Что она значила для него гораздо больше. Чтобы он вспомнил, как она была готова отдать ему свою девственность в порыве страсти, без денег и кольца. Это он сделал предложение и убедил ее, что ему не все равно.

- Даже странно, что ты не продала нашу историю журналистам, раз так нуждалась в деньгах.

По ее лицу он все понял.

- Ты думала об этом, да? А мне-то казалось, между нами было влечение.

- Неужели? Правда? Может, перестанешь уже самоутверждаться за мой счет и вспомнишь, почему сам женился на мне?

- Ты знаешь почему. Ты отказывалась спать со мной, пока я не надену тебе на палец кольцо.

- И ты так хотел залезть в мои трусики, так хотел быть человеком, лишившим меня девственности, что настоял на нашем браке. А потом? Раздуваясь от гордости, привел свою милую невесту знакомиться с семьей? Да ты даже не сказал, что у тебя есть сестра. И эта сестра ничего не знает обо мне. А отец?

Все было понятно без слов.

- Ты никогда не думал о влечении между нами. - Слова лились сплошным потоком, но изнутри они раздирали ее и причиняли невыносимую боль. - Так боялся, что брак тебя поработит. Мы никуда не ходили, а если по случайности встречались с твоими знакомыми, ты даже не считал нужным нас познакомить. Не то чтобы ты игнорировал ту часть информации, где говорилось обо мне как о твоей жене. Ты игнорировал меня как часть своей жизни.

Его молчание оставило еще один шрам на сердце.

- Ты не позволил мне сменить статус в социальных сетях; сказал, что хочешь владеть мною единолично. А сам каждый день уходил на работу, оставляя в одиночестве в квартире, где даже трогать ничего нельзя было.

Молчание. Шрам.

- Ты говорила, что пишешь статьи для отца. Почему я никогда не видел их?

Хватит унижений. О том, как относился к ней отец, она рассказывать не будет.

- Еще до брака ты планировал развод. Поэтому ты составил этот контракт. Тебя заботило только, как свести к минимуму ущерб твоей репутации. Ты не вложил в наши отношения ничего, кроме денег, которые я забрала. С твоей стороны это было точно таким же расчетом. Мой уход нанес удар твоему эго, но никак не твоему сердцу. Скажи, что я ошибаюсь, давай.

Как бы ей хотелось услышать, что это было не так. Что хотя бы какая-то доля романтики в его отношении присутствовала.

- Хорошо. Ты права. Я знал, что это ошибка, еще когда мы произносили клятвы.

Как больно. Ну почему она не умерла на улице? Это было бы лучше, чем вот так страдать.

- Что ж, поздравляю. Твоя маленькая грязная тайна теперь известна. Я одна из многих твоих ошибок, да? Ничего уникального или особенного.

- Так сложно вовремя остановиться? А ведь когда ты расторгла брак, у тебя это получилось.

- Ты начал первый.

- Муж имеет право спросить, что случилось с деньгами меньше чем за месяц.

- Ты говорил, тебе все равно. Ты ничего не хотел знать о моей жизни – как не хотел делиться подробностями своей. И я перестала пытаться себя обмануть. Наш брак был построен на чистом расчете, так что, предложив его расторгнуть, я сделала тебе одолжение.

- Можно и так сказать.

- И я пытаюсь сделать это одолжение снова, но ты меня удерживаешь. Зачем?

- Потому что ты мне должна. – Он с такой силой вцепился пальцами в подлокотник кресла, словно она должна была его от чего-то удерживать.

- Я многим должна, дождись своей очереди.

Звуки лифта заставили их прервать перепалку, но напряжение было разлито в воздухе. Из разъехавшихся дверей показался привлекательный мужчина в сшитом на заказ костюме, на котором блестели растаявшие снежинки. Гладковыбритый, спокойный и уверенный, он казался совершенно не озадаченным присутствием в гостиной сиротки в больничной пижаме.

- Вы, наверное, Имоджен. – Он говорил с теплым итальянским акцентом. – Не вставайте. Витторио Донателли. Витто, per favore.

- Тебе Гвин написала?

- А фотографы проинформировали, что Имоджен – твоя жена. Congratulazioni. – Он жизнерадостно улыбнулся. – Они попросили дать комментарий, и я сказал, что очень счастлив за тебя.

- Издеваешься? – Казалось, еще немного – и Тревис взорвется.

– Я ничего не говорила.

– Тебе и не нужно было.

– Паспорт просрочен, студенческий я давно потеряла. Иногда одного удостоверения личности не хватает. Да кого вообще волнует, за кем я была замужем? Я никто, да и ты лишь один из множества нью-йоркских бизнесменов.

Мужчины обменялись взглядами, и она вспомнила о Гвин.

– Она тут ни при чем, – сказал Тревис.

– Я поговорю с ней, но ты ее знаешь. – Улыбка Витто погасла, и он направился вверх.

– Клянусь всем на свете, я не хотела становиться частью этого спектакля и отказывалась от любых просьб об интервью.

– Почему я должен верить, что ты думала о ней?

И о нем. Но зачем пытаться его убедить?

– Я не могу тебя заставить. Ты либо веришь, либо нет.

Даже потерпеть поражение в борьбе за социальные блага было не так больно, как видеть его недоверие.

– Это ты виноват, что о нашем браке узнали – наверняка тебя видели, когда ты перевозил меня в другую больницу и улаживал все дела по своему золотому телефону. Оставил бы меня там, где я изначально лежала.

– Это прошлогодняя модель. Уже вышла из продажи.

– Да какая разница. Все равно из-за тебя я кажусь важной птицей. Мне это не нужно.

– Давай отвлечемся от обвинений и подумаем о последствиях. Теперь ты действительно у меня в долгу. – На его лице не читалось никаких эмоций. – Это разойдется по всем новостным сайтам вместе с информацией, когда мы поженились и расстались.

Несмотря на слова об одолжении, ей все равно было стыдно, что она инициировала развод. Но он согласился на это с таким высокомерием, что стало ясно: если влечение и было, от него ничего не осталось. Она целиком и полностью отталкивала его.

С тех пор Имоджен мечтала только о том, чтобы вернуть ему деньги и смягчить его мнение о себе. Впрочем, с детства она знала, что это не работает.

– Скоро позвонит отец и захочет узнать, правдивы ли новости.

– Что ты хочешь от меня?

– Не вздумай снова выставить меня на посмешище.

Какое унижение. Так она чувствовала себя только в тот день, когда хотела рассказать о бизнесе отца и их ужасных отношениях, но поняла, что Тревису наплевать на причины, на ее страдания. Он уже решил для себя, что она транжира, и больше его ничего не волновало.

– Вот что ты сделаешь. – Слова царапали кожу. – Ты скажешь, что наш брак – ошибка молодости, и мы расстались, как только осознали это. После смерти отца ты занялась благотворительностью, что и привело тебя в бедный квартал. Я подтверждаю это пожертвованием, и мы сделаем вид, что решили попробовать еще раз и забыть обо всех разногласиях. А ты будешь вести себя как хорошая жена.

Ей словно снова запретили выходить из комнаты. Но и это унижение она проглотила.

– Это все?

– Если не хочешь пойти по стопам своей соседки, будешь в точности выполнять мои указания.

– Разве не забавно, что, когда мы были женаты, ты стыдился об этом сказать, а сейчас, когда мы в разводе, представишь меня своим друзьям и семье?

– Меня это очень раздражает. Но кот выпрыгнул из мешка, так что остается причесать его, надеть симпатичный ошейник и не допустить, чтобы он поцарапал мебель.

– И каким-то образом это покроет мой долг.

– Не увеличит его.

Сомнительно.

Уже не первый месяц пространство вокруг словно сжималось. Не первый год. Никаких вариантов. Словно она в ловушке, и ей не остается ничего, кроме того как сжать руки в кулаки и пытаться дышать.

– Тебе некуда идти. – Будто она этого не знала. – И как я буду выглядеть, если выставлю тебя на улицу? Нет, мы узнаем друг друга заново. На Рождество. Как романтично. Прессе это понравится.

Имоджен услышала угрозу в его словах. Нужно хорошо себя вести, чтобы тебе позволили выйти из комнаты.

– И как долго это будет продолжаться?

– Пока внимание к нам не ослабнет достаточно, чтобы никто не заметил нашего расставания.

– Но я все еще буду должна тебе за пребывание в больнице. – Она смахнула невидимую пылинку со штанины. – Жаль, что между нами не будет секса, а то я могла бы все-таки повторить путь своей соседки.

– Я не говорил, что секса не будет. Но чтобы мне стало интереснее, тебе придется приложить усилия.

Шум в ушах и прилившая к лицу кровь свидетельствовали о смущении, хотя ей хотелось – о злости. Недостаточно. Всегда недостаточно, что бы она ни делала. Каждый день раз за разом она сталкивалась с этим унижением.

– Что ж. – Имоджен продолжала цепляться за жалкие остатки достоинства. – Мой единственный возлюбленный научил меня всему, что я знаю, так что пеняй на себя. Но смею добавить, что уж лучше я пересплю с первым встречным на улице, чем с тобой.

Имоджен встала, и в ответ на ее движение Тревис резко подошел к ней, словно пытаясь удержать. Зря. Как он безжалостно указал, ей действительно было некуда идти.

– Где я могу припудрить носик?

Он коротко кивнул в дальний конец кухни.

Глава 4

Тревису их разговор тоже не доставил удовольствия. В какой-то момент в ее глазах было столько боли, что он испугался, что она уйдет, и собрался удерживать силой.

Пусть даже отпустить было бы лучшим вариантом для обоих. Да, он бил ниже пояса, но ее реплики по поводу выплаты долга через секс попали в больное место. Как и обвинения в расчетливости и скаредности.

Правда ли это?

Нет, конечно, он не рассматривал брак как таинство. Люди разводятся, как развелись его родители. Этот опыт научил его всегда думать о возможных вариантах развития событий – еще на моменте предложения руки и сердца.

«Мой уход нанес удар твоему эго».

Да, к этому он не был готов. Тревис продолжал – и похоже, это длилось до сих пор – хотеть ее физически. Но ни за что на свете он бы в этом не признался.

Один возлюбленный? Seriously? Нет.

Допустим, он поверит, что неразборчивой в связях она не была. Но единственный? Эту ложь пережить сложнее, чем всю остальную. Словно она знала, куда бить – и била прицельно.

Он не мог ей верить, но во всем сегодняшнем разговоре сильнее всего его задела слова, что он был ее единственным мужчиной. Если это правда... Нет, невозможно.

Зазвонил телефон – друг увидел новости в Сети и захотел узнать, как все обстоит на самом деле. Только теперь Тревис начал понимать, во что ввязался. Делать вид, что очарован своей бывшей женой. Впрочем, уж лучше это, чем дать ей снова разрушить собственную жизнь, а заодно и его.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Мышонок (ит.).

Купити: https://tellnovel.com/kollinz_deni/medovyy-mesyac-bez-garantiy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)